

Храм Минь-гуна

Третья стража, проливной дождь лил как из ведра.

Среди горных хребтов клубился густой туман, и сквозь непогоду пробирался небольшой отряд. Шедший во главе человек выглядел изнуренным и исхудавшим, он покачивался при ходьбе из стороны в сторону, словно бумажная кукла, неспособная выдержать удар стихии. В руке бумажная кукла держала фонарь из белой бумаги, чей тусклый свет пал на его лицо: узкие брови, раскосые глаза, а на щеках густо натерты красные румяна — вылитый сват.

— Жертвоприношение невесты — это же не похороны, чего вы все лица скорчили? — с большим недовольством произнес сват. — Событие-то великое и радостное, извольте все веселиться!

Те, что шли позади, несли свадебный паланкин. Все они выглядели так, будто у них умерли родители — совсем не похожие на свадебную процессию, скорее на погребальную. Но раз сват отдал приказ, послушаться они не смели. Толпа через силу давила улыбки под дождем, и зрелище это выглядело крайне зловеще.

Сват промок под дождем и был не в духе. Заметив, сколь уродливыми получаются их ухмылки, он язвительно бросил:

— В последние годы свирепствует засуха, сколько народу погибло? Я молил небеса и просил землю, до крови разбил лоб о камни, и с великим трудом уговорил Минь-гуна помочь нашему горю, ниспослать этот проливной дождь. А теперь стоит мне попросить вас выдать замуж девицу и поднести ее Минь-гуну, как вы тут же начинаете кривить против меня лица. Ишь какой норов!

Среди провожающих нашелся старик. Опираясь на костыль и тяжело отдуваясь, он услышал слова свата и торопливо принялся его успокаивать:

— Благодетель, умерьте гнев! Если бы не вы, не видать нам этого спасительного дождя. Вашу великую благодетель и огромную доброту мы, ничтожные, до конца дней не забудем.

Досказав это, он обернулся и отчитал пару человек из свадебной процессии, а затем вновь заискивающе улыбнулся свату:

— Когда вернемся, вас будет ждать полный стол отменного вина и лучших яств...

Старик этот был с всклокоченными волосами и редкими зубами, а кости его торчали наружу. Дождь лил как из ведра, но под короткой одеждой на нем красовались лишь старые рваные ситцевые туфли на одну сторону. Обувь эта и раньше-то была ветхой, а от дорожной влаги и вовсе раскисла и превратилась в жалкие лохмотья. Неизвестно по какой причине, но старик в столь преклонных годах был вынужден плестись в хвосте у свата и запинаясь убажывать его.

Сват не желал оказывать ему ни малейшего уважения:

— Хватит! В ваших бесплодных краях откуда взяться хорошему вину и еде? Как только я завершу жертвоприношение, моя миссия будет считаться выполненной, и оставаться здесь у меня нет никакого желания.

Старику приходилось просить о помощи, оставалось лишь торопливо во всем соглашаться. К

счастью, оставшийся путь был недолгим, и вскоре они заметили стоявший у обочины дороги каменный в полроста человека столб. Сват сделал несколько шагов вперед, подсветил фонарем и произнес:

— Прибыли.

В юности старик какое-то время был компаньоном при господских детях и знал пару иероглифов, но когда он приблизился к каменной стеле, то обнаружил, что на ней высечены сплошные Божественные Речи Наставления. Подобные речи, именуемые также речами повелителей судеб, использовались для призыва божеств и управления ими. Изучать их дозволялось лишь чиновникам Литературная Академия Тяньмин, и простым людям редко выпадала возможность увидеть их вживую. Старик тоже лишь единожды видел их в бытность компаньоном, когда сопровождал хозяина дома, однако он знал лишь название, а смысла начертанного не ведал.

Сват вытащил из рукава лист бумаги с нарисованными на нем заклинаниями и взмахнул им в воздухе. Бумага тут же вспыхнула без постороннего огня и превратилась в парящий Путеводный фонарь. Он поторопил спутников:

— Живей, не упустите благоприятный час!

Толпа двинулась вслед за Путеводным фонарем, и спустя время, равное сжиганию одной палочки благовоний, перед ними и впрямь предстал храм. Храм этот выглядел странно: одиноко торчал среди горных круч, словно выросший из пустоты. Сват с суровым выражением лица шагнул за порог храма, а остальные гуськом последовали за ним.

— Фу-у... —

Едва они переступили порог, как им навстречу пахнул дикий порыв ветра, погасивший бумажный фонарь в руках свата — гореть остался лишь Путеводный фонарь. Люди испуганно вскрикнули, свадебный паланкин на их плечах закачался. Опираясь на костыль, старик с трудом удержал равновесие и закричал:

— Не паникуйте, держите паланкин ровно!

Толпа шаталась из стороны в сторону, где уж было следить за паланкином — раздался громкий глухой стук, и паланкин рухнул на землю, а невеста кубарем выкатилась наружу. Сват схватил невесту, на ощупь та оказалась твердой как дерево, и он пришел в ярость:

— Ах так! Паршивая старая собака, ты посмел обмануть меня подделкой!

Какая же это была девица — чистой воды обрубок дерева!

Старик рухнул на землю и жалобно взмолился:

— Благодетель, год за годом свирепствуют бедствия, погибло слишком много людей... Если сейчас заставить меня отдать на закланье молодую девицу, это будет сущей против человеческой природы и небесных законов...

Сват холодно усмехнулся:

— И то верно! Я с самого начала знал, что вам не под силу провернуть такое дело, а жертвоприношение — лишь прикрытие. Хе! Вас шестнадцать человек, как раз сойдете Минь-

гуну на один зубок.

Лица всех присутствующих перекосило от ужаса, а старик воскликнул:

— Т-ты, что ты сказал...

Уголки губ свата в какой-то момент изогнулись двумя крутыми дугами, из-за чего его лицо стало походить на личину не-человека, и он произнес:

— Разве я не говорил? Я — сват, специализируюсь на заключении браков для призраков и божеств. У Минь-гуна зубы острые да клыки огромные, ему каждый день требуется по новой невесте на обед. Нынче ради ниспослания этого дождя он голодает уже несколько дней.

Сообразив, что дело приняло дурной оборот, старик поспешно закричал толпе:

— Бегите, скорее наружу! Мы попали в ловушку!

Тело свата изогнулось, словно веревка, широкие рукава цвета соевого соуса затрепетали в воздухе. Обеими руками он поднес Путеводный фонарь и обвел собравшихся презрительным взглядом:

— Из этого храма еще никому не доводилось выйти живым. Хотите уйти? Что ж, я исполню ваше желание! Минь-гун, выходи трапезничать!

Тканевые завесы внутри храма зашевелились без ветра и затрепетали над головами людей, до полусмерти испугав их единым криком. Чудовищная сила потянула людей сзади, увлекая к алтарю с табличками духов. Глубины алтаря зияли чернотой, в них явно таилось какое-то исполинское чудище. Видя, как они причитают и голосят, сват не удержался и громко рассмеялся. Колокольчики на упавшем в стороне паланкине зазвенели с неистовой силой, заглушая даже шум дождя за стенами.

Поняв, что добром эта ночь не кончится, старик мысленно вздохнул: Эх, эх! Знал бы, поднялся в гору в одиночку, отдал бы собственную дряхлую жизнь в обмен на этот дождь, к чему было тащить за собой всех остальных на верную смерть!

Горько раскаявшись в содеянном, он крикнул в сторону алтаря:

— Минь-гун, выслушай меня! Все молитвы о дожде исходили только от меня одного, хочешь сожрать человека — сожри сначала меня!

Закончив говорить, он бросился ничком перед алтарем и зажмурился в ожидании смерти. Однако, к его удивлению, ожидаемой боли не последовало — он услышал чей-то смех. Изумленный старик поспешно открыл глаза и прежде всего увидел угол одежды: багрово-красная ткань с черной каймой, по которой золотыми нитями были вышиты стайки Огненная Рыба.

Сват рывкнул:

— Кто тут?!

Тот человек ответил:

— Тот, кто не ест людей.

В храме горел всего один Путеводный фонарь, находившийся в руках свата, и свет его не дотягивался до алтаря. Сват пробормотал несколько Божественные Речи Наставления, пытаясь призвать Минь-гуна, но по какой-то причине заклинание дало сбой, и Минь-гун не появился в назначенный час.

В этот момент незнакомец поинтересовался:

— Что это за фонарь ты зажег?

Голос его звучал чисто и мягко, с легкой ноткой улыбки, будто этот человек вообще не умел злиться.

Заподозрив, что призыв сорвался по вине незнакомца, сват со злости со всей силы швырнул Путеводный фонарь вперед со словами:

— Твой светильник вечной жизни!

Путеводный фонарь вихрем взмыл в воздух, и из его фитиля, похожего на зеленую бобы, внезапно вырвалось множество Злой дух, которые с диким визгом и растопыренными когтями бросились на юношу. Тот взмахнул рукой и на весу перехватил Путеводный фонарь, отчего нечисть тут же обратилась в дым и рассеялась. Он произнес:

— Спасаясь бегством, да еще и фонарь мне даришь, какой же ты добрый человек.

Сват взвизгнул:

— Какое еще бегство? Кто спасается!

Незнакомец удивился:

— Разве ты не бежишь?

Заметив, как легко и непринужденно собеседник расправился с Путеводным фонарем, сват понял, что перед ним птица высокого полета. В нем шевельнулось желание отступить, но язык все еще дерзил:

— Чушь собачья! С чего бы мне бежать...

Он не успел договорить, как незнакомец снова усмехнулся.

Свату стало не по себе, и он спросил:

— Чего ты смеешься?

Тот ответил:

— Смеюсь над твоей глупостью: видишь меня и до сих пор не бежишь.

Тусклый свет Путеводного фонаря выхватил из темноты фигуру незнакомца. Сидел он развязно и дерзко: одной рукой придерживал у алтаря Путеводный фонарь, а в другой вертел складной веер из черного дерева. Веер был абсолютно черным, без единого украшения или узора, резко контрастируя с белизной его кожи, создавая четкое черно-белое разделение.

Сват в упор уставился на эту руку, а может, на тот самый веер. Внезапно, словно вспышка

молнии, в его голове что-то пронеслось, и лицо исказилось от ужаса:

— Призрачный Веер: Подземный Проводник, не выказывающий почтения ни духам, ни богам — ты Цзян Чжо!

Не успел сват договорить, как его фигура метнулась к храмовым дверям. Прежде ему не доводилось бегать от опасности, но сейчас он драпал быстрее всех. Дождь за порогом не утихал, он вихрем пробормотал заклинание, наполовину высунувшись наружу, как вдруг раздался глухой стук — его голова покатилась по земле.

— Цзян Чжо! — задрал он тонкие брови и взвизгнул от гнева. — Мы с тобой не имеем старых счетов...

Раздался еще один шлепок — отлетели и обе руки.

Кто-то из присутствовавших, узрев эту сцену, закатил глаза и рухнул без чувств от страха.

А ноги свата продолжали бежать. Стоило ему ступить в пелену дождя, как отделившаяся голова завопила:

— Как горячо, как горячо! Цзян Чжо, ты поливаешь меня призрачным дождем, сжигаешь!

Дождь застучал по телу свата, и он, подобно тлеющей бумаге, в мгновение ока обратился в прах. В воздухе повис легкий запах гари, а голова всё еще продолжала браниться, пока ее не подхватила чья-то рука. Обладательницей руки оказалась девушка-мечник лет пятнадцати-шестнадцати. Она отнесла голову подальше и бесстрашно поинтересовалась:

— Четвертый брат, как поступить с этой штукой?

Цзян Чжо раскрыл половину веера и легко взмахнул им в сторону девушки-мечницы:

— Пока прибереги, я подойду чуть позже.

Налетевший порыв ветра унес девушку-мечницу вместе с головой свата.

Старик стоял ни жив ни мертв, в его глазах еще плескался туман, словно чей-то злой умысел похитил его разум. Пока он пребывал в оцепенении, плечо вдруг легонько постучали веером. Словно пробудившись ото сна, он тут же поспешил выразить спасителю благодарность:

— Благодетель...

Подняв голову и разглядев истинное лицо нового благодетеля, старик ошеломленно замер, издав короткое ох! Не то чтобы старик вел себя неучтиво, просто этот новый благодетель выдался поистине необычным: глаза его сияли янтарным блеском, а улыбка напоминала рябь на водной глади озера Цюшуй, заставляя забыть обо всем на свете и погружаться в омут с головой. Но самым поразительным было то, что у внешнего уголка его левого глаза темнели три красные точки, расположенные веером. Именно эти три точки мешали с первого взгляда понять, кто перед ним — демон или небожитель.

Побобо всем спасибо за чтение.

Гора Саньян

Спасенные люди хранили гробовое молчание, тупо уставившись на нового благодетеля. Тот сложил веер, издав отчетливый щелчок, который вывел толпу из оцепенения. Старик испугался этого звука и поспешно закричал:

— Благодарю благодетеля за спасение...

Тут он вспомнил, что только что точно так же назвал благодетелем и свата, и, испугавшись, как бы этот молодой господин не затаил обиду, торопливо поправился, назвав его «бессмертным наставником». Он рухнул на колени и дрожащим голосом проговорил:

— Спасибо бессмертному наставнику за спасение наших жизней, мы бесконечно благодарны! Деревенские невежды не ведают хороших манер, если в чем-то оскорбили вас, умоляем бессмертного наставника о снисхождении!

Зрелище выходило и впрямь странное: они были спасены, но при виде Цзян Чжо тряслись всем телом и были смертельно испуганы, словно перед ними стоял не утонченный бессмертный наставник, а пожирающий плоть и пьющий кровь монстр.

Цзян Чжо произнес:

— Почтенный, не стоит говорить на коленях, поднимитесь и присядьте.

Люди молча продолжали бить поклоны, не смея ответить. Лишь у старика хватило смелости, и он сухим голосом отозвался:

— Бессмертный наставник возвышается над суетой мира, а мы, ничтожные, всю жизнь прозябали в глуши и от нас разит за версту. Увидеться с бессмертным наставником этой ночью — величайшая удача для нас за несколько перерождений...

Старик сыпал лестивыми речами, до смерти боясь вызвать неудовольствие Цзян Чжо. Тот, напротив, оперся подбородком о руку и погрузился в раздумья. Люди не могли разгадать его намерения и, припав к земле, боялись даже вздохнуть. Спустя долгое время они услышали, как он вздохнул. Этот вздох едва не разорвал сердца перепуганных людей. Старик мысленно запричитал: Эх, эх! Беда не приходит одна: стоило избавиться от свата, как на голову свалился этот грозный демон из Управления Тяньмин. Ли бы только не сболтнуть лишнего и не разгневать его, иначе этой ночью живому не уйти!

Пока он предавался сумбурным мыслям, Цзян Чжо вдруг поднялся и отряхнул полу халата:

— Что ж, раз вы отказываетесь вставать, я тоже преклоню колени, и поговорим на равных.

Ой матушка! Увидев, что Цзян Чжо собирается опуститься на колени всерьез, старик в панике вскочил, пытаясь его остановить:

— Как можно, как можно посметь! Мы счастливы до небещ, что бессмертный наставник удостоил нас своим визитом, просто небожители из Управления Тяньмин давненько не жаловали наши края...

Услышав это, Цзян Чжо догадался о положении дел:

— Хм-м, я так и знал. Вы боитесь не меня, вы боитесь Управление Тяньмин.

Само название Управление Тяньмин подействовало на людей пуще свирепого зверя, заставив

их затрепетать и побледнеть.

— Впрочем, можете не беспокоиться, — Цзян Чжо плавным движением руки приподнял веер.
— Я не имею к Управлению Тяньмин ни малейшего отношения.

Не успели затихнуть его слова, как под коленями людей возникла невидимая волна силы, и когда они опомнились, то обнаружили, что уже стоят на ногах.

Заметив, как Цзян Чжо вновь явил божественную силу, старик испугался пуще прежнего. Нынче времена круто переменялись, и все эти боги да небожители находились в ведении Управления Тяньмин, а всякий прочий люд звался не иначе как еретиками и демонами. Раз Цзян Чжо не принадлежал к Управлению Тяньмин, значит, он мог быть только злым демоном. Подумав об этом, старик даже испытал некоторое облегчение.

Цзян Чжо держался непринужденно и вел себя так, будто беседовал со стариком о погоде:

— Буря да шторм нынче ночью — явно не лучшее время для поклонения божествам.
Почтенный, почему вам непременно понадобилось подниматься в гору в третью стражу?

Видя столь мягкое обхождение Цзян Чжо, старик уже не испытывал прежнего страха. Он тяжело вздохнул:

— Бессмертный наставник не ведает, стали бы мы подниматься от хорошей жизни? Дождь этот льет уже не первый месяц, поля и селения у подножия горы затопило. Нынче ночью мы поднялись в гору лишь затем, чтобы умолить Минь-гуна прекратить дождь.

Цзян Чжо переспросил:

— Выходит, этот дождь ниспослал Минь-гун?

Старик подтвердил:

— Бессмертный наставник угадал, дождь идет по воле Минь-гуна.

Цзян Чжо задал следующий вопрос:

— Если память мне не изменяет, эти земли носят название... и должны подчиняться покровителю по имени «Саньян». С чего бы чужаку Минь-гуну заявляться сюда и устраивать ливни?

Услышав этот вопрос, старик помрачнел пуще прежнего:

— В этом-то и кроется наша главная беда...

Опираясь на костыль, он неторопливо поведал Цзян Чжо всю историю.

Оказывается, сии места издавна звались..., а почитаемым здесь божеством являлся «Саньян». Саньян обладал кротким нравом и из года в год оберегал здешние края, даруя людям богатые урожаи и погоду впору. Крестьяне жили в сытости и почитали Саньяна единственным божеством, поэтому в дни ежегодных жертвоприношений у храма Саньян яблоку негде было упасть от повозок и толп народа. Однако ничто не длится вечно, и десять лет назад случилось страшное.

— Как вспомнишь о том дне, до сих пор мороз по коже, — старик сжал манжеты, словно его

снова обдал ледяной ветер, и мелко задрожал. — Тогда я еще держал винную лавку. В тот день грянула буря, еще не наступил час вей, а на улице уже сделалось черно хоть глаз выколи — ни покупателей, ни даже случайных прохожих. Поняв, что торговли не будет, я пораньше закрыл лавку и побрел домой под дождем. Ветер бушевал так яростно, что на ногах устоять было трудно, а на улицах, где обычно толпился народ, не горело ни единого фонаря.

С каждым шагом мне становилось все страшнее, смутное предчувствие беды гнало меня домой. Но не успел я пройти и пары шагов, как зонт вырвало из рук, а глаза залепило дождевой водой. Подумав, что в таких условиях путь заказан, я решил переждать непогоду у кого-нибудь из соседей.

К тому моменту уже совсем стемнело, в ушах стоял лишь непрекращающийся заунывный вой ветра. Нащупав стену, я добрался до чьей-то двери и уже занес руку для стука, как створка сама собой отворилась. Призывая хозяев, я шагнул внутрь укрыться от дождя... Внутри царила непроглядная тьма, хоть выколи глаз. Не смея шарить наугад, я остался стоять у порога, но вдруг уловил стойкий запах гари. Пошел на этот запах и обнаружил на полу несколько обугленных деревяшек. С чего бы кому-то в здравом уме выкладывать у порога головешки? К тому же они имели странную форму — словно сбившиеся в кучу люди. Я невольно опустился на колени, желая разглядеть их получше... От увиденного кровь застыла у меня в жилах: то были вовсе не обугленные палки, а самые настоящие человеческие трупы, превратившиеся в уголи!

Мне прежде не доводилось видеть сгоревших людей, тем более в столь жутких позах, казалось, перед смертью они испытали невыразимые муки. От страха у меня отнялись ноги, и я рухнул на землю, не зная, за что хвататься. В этот самый момент из-под тел вдруг вырвалось несколько змеящихся языков пламени, вмиг разгоревшихся так яростно, что меня едва не затянуло в огненный вихрь. Отпрянув назад, я вскочил на четвереньки и бросился бежать. Выбежав на улицу, я увидел сплошное море огня — горели не только дома и скот, но и деревья, и трава... Я слышал отчаянные крики множества людей: в каждом доме, на каждом перекрестке и в узких переулках — везде раздавались лишь вопли ужаса.

Дойдя до этого места, старик словно помешался рассудком. Глаза его вылезли из орбит, и в них отразились вышитые на вороте и рукавах Цзян Чжо Огненная Рыба — алый золотой блеск заморозил его, погрузив целиком в кошмар прошлого.

Цзян Чжо с громким шорохом раскрыл веер — материал, из которого он был изготовлен, казался холодным и мрачным, словно неподвижная гладь глубокого пруда, — и это движение прервало безумный взгляд старика.

— Ох... — старик резко пришел в себя. — Старик заговорил лишнего и потерял всякие манеры!

Цзян Чжо вовсе не разозлился и лишь беспечно утешил его:

— Пустое. История и вправду странная, почтенному не стоит заикливаться на тех деталях, иначе рассудок помутится. Говори лишь о главном, что было дальше?

Старик немного собрался с мыслями и продолжил:

— Сначала я думал, что в селении просто загорелся чей-то дом, но вскоре понял: огонь тот был необычным. Его не только нельзя было потушить, он воспламенялся от малейшего прикосновения. Все, кто пытался бороться с пожаром, мгновенно сгорали дотла, превращаясь в груды пепла. Увидев такое, кто бы осмелился подойти? Все вокруг обратилось в огненный ад, уцелел лишь один храм Саньян. Обезумевшая толпа бросилась к храму, но разве мог он вместить столько народу? Люди давили друг друга, рыдали, кричали, поднялся невообразимый

хамелеон... Эх, многих сожгло не пламенем, а затоптало заживо прямо здесь. Я забился в самый угол и молил лишь о том, чтобы поскорее наступил рассвет.

Толпа молила Саньяна о спасении, но божество не являло лика. И неизвестно чья дурная голова предложила принести в жертву детей. Сначала они схватили нескольких малышей, привязали их к алтарю и перерезали горла, собирая кровь в чаши.

В этот момент створки храмовых дверей со скрипом захлопнулись от порыва ветра. Люди, словно испуганные птицы, сбились в тесную кучку. Путеводный фонарь парил рядом с Цзян Чжо, заливая все вокруг мертвенно-бледным светом. Собравшиеся не решались подойти к нему слишком близко, но и отдаляться боялись — раз бессмертный наставник обладает божественной силой, рядом с ним не пропадешь!

Кто-то выкрикнул:

— Дядюшка Лю, эта сказка когда-нибудь кончится? Посреди ночи от нее душу вынимает!

Старик, которого называли Лю, оставил реплику без внимания. Вместо этого он дрожащей рукой поднял костыль и указал на пустой пятачок перед алтарем:

— Родители отнятых детей сошли с ума, они бросились на убийц, завязалась бойня, вся земля была залита кровью. Только в тот день я понял, что такое настоящий ад на земле.

Другой голос подхватил:

— Люди резали друг друга в храме, и Саньян наконец услышал шум! Мой отец рассказывал, что Саньян вышел из гор, сотворил заклинание и погасил огонь, спасши всех.

Старик Лю лишь молвил:

— Верно, твой отец помнил, что именно Саньян спас людей.

Выкрикнувший это парененок был худым и бледным, совсем юным. Теперь, когда сват исчез, а Цзян Чжо вел себя дружелюбно, смелость вернулась к нему, и он затараторил первым:

— Отец говорил еще, что Саньян никогда не ел людей, а той ночью его силой принудили принять жертву. Он смертельно обиделся на всех нас, ушел из этих мест и больше никогда не возвращался!

Услышав это, старик Лю пробормотал:

— Да, Саньян больше не вернулся.

Парененок продолжил:

— Без Саньяна мы хлебнули лиха: мало того что засуха стояла годами, так еще и голод скосил столько народу. Эх, мои дедушка с бабушкой как раз так и умерли от голода.

Повернувшись к Цзян Чжо, старик Лю виновато произнес:

— Мальчишка говорит прямо, что на уме, то и на языке, умоляю бессмертного наставника не гневаться на него, но каждое слово здесь — чистая правда. Когда не стало Саньяна, жизнь здешних крестьян превратилась в сущий кошмар. Я повсюду наводил справки и узнал, что сват владеет искусством призыва иных божеств, вот и пригласил его сюда вызвать божество дождя.

Цзян Чжо заметил:

— А этот сват и впрямь мастак, стоило позвать — и явился Минь-гун.

— Чего только нам не стоило добиться этого... Хотя Минь-гун и ниспослал дождь по нашим молитвам, да только пролив этот никак не прекратится.

<http://bllate.org/book/19195/1885286>